

## Глава 19

### Российская интеллигенция на свободе

Русская эмиграция. Старая волна.

НТС и Власов.

Война с НТС и КГБ на «Свободе»

Эпиграфом к рассказу о жизни русской эмиграции могут служить слова из «Былое и думы» Герцена: *«Я нашел все, что искал... да рядом с этим предательство, коварные удары из-за угла и вообще такое растление, о котором вы не имеете и понятия. Трудно, очень трудно мне начать эту часть рассказа... но в сторону слабость: кто мог пережить, тот должен иметь силу помнить».*

Это высказывание Герцена придало мне сил взяться за описание самого черного периода моей жизни. Объективно сталинские годы были чернее, но тогда я был молод, а в молодости все невзгоды воспринимаются легче, сквозь пелену инфантильности.

В мое время эмиграцию делили на три волны: постреволюционную, военную и новую, т. е. начавшуюся на рубеже 70-х годов и состоявшую из политэмигрантов и простых эмигрантов, преимущественно российских евреев. Но так как представителей постреволюционной волны среди политически активных эмигрантов оставалось уже очень мало, то я для простоты буду говорить о старой и новой эмиграции. И начну с рассказа о старой эмиграции, которая продолжала играть значительную роль и к которой примыкала большая часть новых политэмигрантов.

Ко времени моего прихода на «Свободу» там еще служило много «старых» и среди них были весьма колоритные фигуры. Такие, например, как братья Градобоевы. Старший, выступавший под псевдонимом Лев Дудин, в 1941 году, после прихода немцев, работал в Киеве редактором газеты «Новое украинское слово», а в 42-м перешел советником в аппарат Розенберга, руководившего освоением оккупированных советских территорий. Так об этом говорилось на «Свободе». Его младший брат, работавший на радио внештатно под псевдонимом Днепров, хвастался тем, что в войну служил под началом казачьего атамана Краснова, начальника пропагандистской команды для казачества при немецких властях. Одной новой эмигрантке, еврейке, Днепров поведал: «Да, после изгнания большевиков с Украины я многих евреев в Киеве, сотрудничавших с большевиками, вывел на чистую воду. И сплю я спокойно!». Служил на РС, как я уже упоминал, и бывший адъютант генерала Власова Анатолий Скаковский. (По крайней мере, он себя за такового выдавал, и другие власовцы против этого не протестовали.) Были две дамы, которые пели и плясали в концертных бригадах, развлекавших оккупантов и их помощников. Все эти люди сумели, видимо, вовремя сбежать от немцев и не подпали под категорию коллаборантов или перемещенных лиц, подлежащих выдаче советским властям.

Самой активной организацией старой политэмиграции был НТС — Народно-трудовой союз — со штаб-квартирой во Франкфурте-на-Майне. Члены Союза называют себя также «солидаристами», а свою идеологию — «солидаризмом». Создан этот Союз был в начале 30-х годов в Югославии молодым поколением постреволюционных эмигрантов, многие из которых

прижились в Югославии. Эти люди хотели быть современными и равнялись на итальянских фашистов. «Солидаризм» — вольный перевод слова «фашизм», которое, в свою очередь, образовано от римского слова «фаши» — так назывались связки прутьев, размещавшихся вокруг древка алебарды, которую носил центурион. Фаши символизировали единство римского народа и одновременно использовались как шпицрутены для наказания провинившихся или струсивших легионеров.

Идеологическое содержание «солидаризма» также соответствовало корпоративной идеологии итальянских фашистов. Это, напомним, когда нация разбивается на профессиональные корпорации (сталеваров, горняков, крестьян и т. д.), в которые «равноправно» входят и капиталисты, и наемные работники. Такие корпорации заменяли партии и профсоюзы. Политическое руководство корпорациями осуществляла «всенародная» фашистская партия во главе с дуче. Аббревиатура НТС при рождении Союза расшифровывалась как Национально-трудовой союз, который после войны его члены в целях маскировки переименовали в Народно-трудовой.

С выдвиганием на первый план немецких нацистов НТС перешел под их крыло. Штабквартира Союза была перенесена в Германию, и в Союз влилось много молодых немецких граждан русского происхождения. С начала войны Германии с СССР НТС стал направлять своих людей с немецкой армией в Россию в составе ее тыловых и вспомогательных подразделений. Или может быть, точнее будет сказать: немецкое командование брало с собой в Россию нтэсовцов!

НТС также помогал немцам в лагерях советских военнопленных набирать солдат для армии Власова. «Мы спасали их от голодной смерти!» — оправдывались его члены. И это было правдой. Только вот на что они обрекли этих солдат в дальнейшем, говорить не любили. Из сотрудников этой организации в основном был сформирован и штаб Власова.

О Власове надо сказать несколько слов отдельно. В либеральной прессе новой России о нем часто пишут как о герое, нагромождая ложь и умолчание. В эмиграции я немало читал о Власове в материалах архива радиостанции, в том числе в книге бывшего нациста Штрик-Штрикфельда, который при Гитлере курировал русские воинские формирования. Я узнал тогда, что Власов в конце 30-х годов был Сталиным командирован военным советником в штаб Мао Цзэдуна.

Осенью 41-го Власов прославился тем, что одержал под Москвой первую небольшую победу над немцами (еще до главного контрнаступления) — отбил на время город Ельню. В 42-м советское командование стало готовить войсковую группировку для прорыва блокады Ленинграда через Волховские болота. Все генералы, кому предлагалось возглавить прорыв, под разными предлогами уклонялись от этой чести (операция пахла авантюрой). Власов — согласился. Руководимая им армия завязла в болотах и была разгромлена, а Власов, сбежав от своей охраны, вышел к немцам и сдался в плен. Он, видимо, боялся возвращаться в Москву, предполагая, что ему не простят потерю армии. Немцы немедленно доставили Власова в Берлин, где он согласился возглавить воинское формирование из русских военнопленных, создававшееся немцами с помощью НТС. Впоследствии оно получило наименование Русской освободительной армии (РОА).

Я разговаривал со Скаковским о Власове. Хорошо, сказал я ему, не будем сейчас оценивать факт перехода Власова к немцам, но после того как он стал во главе армии, сформированной

из военнопленных, он принял на себя ответственность за их жизнь. Почему же, когда всем уже был ясен исход войны, он не поднял свою армию на прорыв в Италию, навстречу высадившимся там американцам, или не призвал своих солдат пробиваться туда мелкими группами? В тылу у немцев было тогда очень мало войск, и прорваться, наверное, можно было. Пускай не всем бы это удалось, но уж тех, кто пробился, союзники не зачислили бы в коллаборанты и не выдали в руки Смерша! Вместо этого вы, сказал я Скаковскому, осенью 44-го торжественно принимали в Праге жалкую «Декларацию» о борьбе с «большевизмом», плясали под нацистскую дудку.

— Но у нас в штабе, — оправдывался Скаковский, — сидело много агентов гестапо, и было очень рискованно что-либо предпринимать для выхода к американцам.

То есть Власов и его помощники оказались примитивными шкурниками. Я тут сравниваю Власова с польским генералом Андерсом, о котором позорно умалчивается в СМИ «демократической» России. Он тоже в начале войны возглавил под Куйбышевым корпус, составленный из пленных польских солдат, и в его штабе тоже были агенты НКВД, но когда Андерсу дали приказ идти на фронт, он отказался. Поляки выдворили агентов НКВД и двинулись (вместе с семьями!) в Иран, занятый тогда англичанами, чтобы уже на стороне западных союзников сражаться с немцами. У Сталина в то время не было достаточно войск в тылу, чтобы атаковать поляков, и они, сопровождаемые небольшими советскими отрядами, в тяжелейшем походе, голодая, спустились вдоль Волги и Каспия в Иран. Потом поляки Андерса сражались в Италии и прославились прорывом мощнейшей немецкой обороны под Монте-Кассина.

Андерс очень рисковал, отказываясь идти на советский фронт. Англичане просили Сталина выпустить его корпус, и он согласился (когда Андерс уже заявил, что поляки не пойдут на фронт!), но если бы у него была возможность, он, без сомнения, уничтожил бы Андерса, и англичане смирились бы с этим, так как были жизненно заинтересованы тогда в союзе с Советской Россией. Как смирились они и с чудовищной жестокостью Сталина, позволившего немцам уничтожить в 1944 году восставших в Варшаве поляков, в большинстве входивших в Армию Краевую, которой руководило из Лондона польское правительство в изгнании. Но от Андерса зависела судьба польских солдат, и он не хотел отдать их в жертву врагу Польши — России. Он знал, как не дорожат в России жизнями собственных людей, знал, как не любят поляков, и предполагал, что с его корпусом советское командование поступило бы, как со штрафным батальоном. И таким человеком, как генерал Андерс, поляки могут гордиться!

Власов же решился взбунтоваться лишь 5 мая 45-го года — «немножко» поздно! Разумеется, американцы выдали солдат и офицеров Власова (и его самого) как коллаборантов советским властям. За исключением тех, кому удалось сбежать из лагерей, в которых американцы содержали власовцев. (Среди них оказался и Скаковский.)

И еще очень важная деталь, о которой умалчивают современные восхвалители Власова всех цветов, а именно, что немцы использовали власовцев для борьбы с французскими партизанами! Деталь достаточно позорная.

Вернусь к НТС. В конце войны и многие энтээсовцы стали пытаться «бежать с нацистского корабля», и гестапо кое-кого из них схватило; несколько человек, если верить НТС, погибли в концлагерях. Теперь энтээсовцы за счет этих жертв пытаются изображать себя «борцами против Сталина и Гитлера».

После войны НТС объявляет себя сторонником демократии и каким-то образом выживает. Впоследствии Союз получает даже финансовую поддержку от ЦРУ, издает ежемесячный тонкий журнал «Посев» и толстый ежеквартальник «Грани», обзаводится небольшим издательством. С появлением в СССР самиздата перепечатывает некоторые самиздатские работы и распространяет их среди советских людей, приезжающих на Запад, главным образом среди моряков торгового флота.

В начале 50-х годов НТС с самолетов сбрасывал на территорию Советского Союза парашютистов для организации борьбы с «коммунистическим режимом». Заброшено было несколько групп, всего более 20 человек, и все они были быстро выловлены КГБ и расстреляны. Об этом много писалось в западной прессе. В Германии еще живы вдовы этих несчастных парашютистов. За эту преступную авантюру никто из руководства НТС не понес уголовной ответственности. Как такое могло случиться, я не понимаю. Не понимаю и того, как они могли поднимать из Германии самолеты с парашютистами для полета на территорию СССР! Это, на мой взгляд, позорный факт для немецких и американских властей.

В программных документах НТС стояли обращенные к советским гражданам призывы к насильственной деятельности: к организации «городской партизанщины», как в Южной Америке, и даже к ограблению банков с последующей раздачей денег бедным людям. Эти документы помогали КГБ лепить из НТС образ злого и коварного врага, за связь с которым, действительную или чаще мнимую, арестовывали и осуждали диссидентов.

С созданием радиостанции «Свобода» (поначалу, в 1953 году, она называлась «Освобождение») НТС повел борьбу за контроль над ней и в годы обострения холодной войны весьма в этом деле преуспел. Перед моим приходом на радио главным редактором русской службы был член руководства НТС, бывший советский военный прокурор. Борьбу за «Свободу» НТС с переменным успехом вел вплоть до горбачевской перестройки.

После появления на Западе Солженицына атмосфера в русской эмиграции резко сдвинулась в сторону великорусского национализма и шовинизма, и НТС немедленно сменил демократическое знамя на «национальное». Главным лозунгом Союза стало: «Русское дело должно делаться русскими руками!». В этот период было создано дочернее формирование НТС Русское национальное объединение (РНО) во главе с членом руководства НТС и сотрудником «Свободы» Олегом Красовским. НТС хотел, видимо, сохранять относительно respectable облик, а для махровых «патриотов» и антисемитов предлагалось РНО. Это объединение стало издавать журнал «Вече» как продолжение журнала с таким же наименованием, издававшегося в СССР, редактором которого был диссидент-националист Владимир Осипов. РНО смело шло и на сближение с национал-патриотами в России. Так, спонсором «Вече» стал художник Илья Глазунов, который, приезжая в Мюнхен, преспокойно останавливался на вилле Красовского. Подружился Красовский и с приснопамятным Невзоровым, который даже сделал на ОРТ часовую комплиментарную передачу о Красовском.

НТС, будучи духовным детищем режимов «великих вождей» — Муссолини, Гитлера, все время сохранял приверженность сильным, авторитарным деятелям и в России искал опору на подобных людей. Так, в свое время руководители НТС пытались сблизиться с «железным Шуриком» — Александром Шелепиным. Позже они плотно сошлись, как я уже рассказывал, с полковником КГБ Карповичем, сделав его своим главным представителем в СССР и членом своего руководства. После начала первой войны в Чечне стали поддерживать Ельцина, а сейчас рьяно поддерживают Путина.

Интересен вопрос, почему НТС оказался таким живучим? После войны в Западной Европе и США возникло несколько эмигрантских политических объединений, но все они канули в лету, а НТС — живет! Георгий Владимов, который еще в Москве сблизился с эмиссарами НТС, оказавшись в эмиграции, работал одно время редактором журнала «Грани»; и потом, когда его уволили из «Граней», написал разоблачительную статью о солидаристах. И живучесть НТС он объяснял тем, что этот Союз фактически является мафией, семейным предприятием. Владимов подробно показал, что вся руководящая верхушка НТС связана семейными отношениями. Не знаю, ему, как говорится, виднее. Но я вижу возможную причину устойчивости НТС в том, что эта организация спонтанно сделалась так называемым «шпионским перекрестком». После того как НТС прибил к ЦРУ, в него устремились сексоты КГБ — и тем и другим стало, думаю, интересно поддерживать «солидаристов» на плаву как среду получения информации друг о друге. Яркий пример — «командировка» Андроповым полковника Карповича в руководство НТС. Кроме того, НТС, как я уже говорил, служил жупелом для советской пропаганды и поводом для дискредитации диссидентов и расправы над ними.

Главную проблему старых эмигрантов, сотрудничавших с фашистами и нацистами, я формулировал таким образом, что *им не дает покоя русская кровь, но не та, что течет в их жилах, а та, что запеклась у них на руках!*

Покаяться, раскаяться у них не было сил, и осталось упорствовать в своей ненависти к «врагам России» — коммунистам и евреям. «Еврейский коммунизм» они возводят в абсолютное зло, а для сокрушения такого зла годятся любые средства. В том числе и немецкое нашествие.

Я говорил на эту тему с энтэсовцами, когда еще пытался разобраться, что они собой представляют. Ведь мой бывший друг и порученец Солженицына Юрий Штейн всячески их мне восхвалял и связал меня с ними, передав им фото пленку моей рукописи «О самом главном». Так вот, я спрашивал их, на что они рассчитывали, двигаясь вместе с немцами в Россию, в случае победы Германии? Они отвечали, что эта победа, мол, далась бы немцам очень дорого, с большими потерями, и немцы расплыли бы свои войска на огромной территории, и тогда они, энтэсовцы, создав на российской земле «национальную» армию, смогли бы диктовать немцам свои условия и постепенно вытеснили бы их из России.

Эти люди так упорствовали в своей воображаемой миссии спасителей России, что и детей своих старались воспитывать в том же духе, удерживая от интеграции в западную жизнь. Проводили для детей военизированные сборы, на которых дети присягали на верность царю, православию и отечеству.

Как я уже говорил, после выезда на Запад политические эмигранты из России во множестве стали примыкать к старым эмигрантам, и прежде всего к НТС. Так, в Союз этот вступили Галич, Коржавин, тесно стал сотрудничать с ним Владимир Максимов, на некоторой дистанции — Солженицын. Галич и Коржавин, кроме всего прочего, стали служить НТС щитом против обвинений в юдофобии. Чуть что — их имена выдвигались вперед.

Но однажды случился скандал. Советские власти выбросили в эмиграцию Виктора Файнберга, члена «великолепной семерки», как называли часто семерых диссидентов, отважившихся 25 августа 1968 года выйти на Красную площадь в знак протеста против оккупации Чехословакии. Вошел Файнберг в историю российского диссидентства и рекордно долгими голодовками (вместе с Владимиром Борисовым) в тюремной психбольнице, протестуя против применения психиатрии в политических целях.

В НТС любили приглашать во Франкфурт на ежегодную «посев-скую» конференцию известных диссидентов и литераторов. Пригласили и Файнберга. И на конференции он, как я шучу, вновь «вышел на площадь». Получив слово, он с характерными для него бесстрашием и наивностью стал выражать недоумение:

— Вы выглядите разумными людьми. Почему же вы до сих пор не провели нечто вроде XX съезда и не осудили свое сотрудничество с гитлеровцами во время войны? Ведь в России очень многие этого сотрудничества не могут понять, и я в том числе.

Атмосфера в эмиграции сложилась тогда уже настолько советская, что для подобного выступления нужно было иметь недюжинную отвагу. И проявился поразительный феномен, когда многие люди, мужественно державшие себя в Советском Союзе, на Западе начинали «прогибаться», а то и просто пресмыкаться перед эмигрантскими «властями», в качестве каковых воспринимались НТС, Солженицын с его окружением и Максимов с «Континентом».

После выступления Файнберга, как рассказывали очевидцы, энтээсовцы пришли в неистовство. Артемов, один из вождей НТС, выскочил на трибуну и стал кричать, что если советские диссиденты-правозащитники будут верить клевете КГБ в адрес членов НТС, то и они должны будут поверить в то, что большинство диссидентов, как пишет советская пресса, — либо неудачники, тунеядцы, либо психически ненормальные люди! (Это выступление было напечатано в «Посеве».)

Но особенно поразил Наум Коржавин, поместивший в «Посеве» статью в защиту НТС от Файнберга. Один пассаж этой статьи врезался мне в память. Коржавин писал, что, конечно, всякие люди есть в НТС, но зачем же по ним судить обо всем Союзе! Зачем, так сказать, из-за дураков на Советскую власть обижаться? Однажды, рассказывал Коржавин, когда он сидел в компании сотрудников НТС, зашла речь о Сталинградской битве, и один из «солидаристов» сказал: «Да, ту битву немцы проиграли, но и большевиков много там полегло!».

— Дураки везде есть, что поделаешь! — комментировал Эмма Коржавин.

Но ассоциировать россиян с большевиками (для самооправдания!) было делом, очевидно, характерным для многих энтээсовцев. Так, уже при Ельцине мне попалась на глаза московская «Народническая газета — Революционная Россия» (1992, № 6), содержащая интервью с одним из лидеров НТС Романом Редлихом, в котором тот рассказывал, что во время войны энтээсовцы работали только в провинции, так как Петербург и Москва «оставались у большевиков».

Между прочим, через какое-то время в «Посеве» появилась еще одна примечательная статья Коржавина, в которой он бил тревогу по поводу того, что среди энтээсовцев множатся антисемитские выступления. «Вы же так можете, — увещевал Коржавин своих товарищей по партии, — оттолкнуть деятелей русской культуры и убежденных антикоммунистов с нерусским этническим происхождением!». Но в НТС он остался и оставался даже тогда, когда установилось сотрудничество «солидаристов» с национал-патриотами в России.

Мои отношения с НТС окончательно оборвались в начале 76-го года. Тогда на Запад, во Францию, эмигрировал Леонид Плющ, ученый (кибернетик) и знаменитый украинский диссидент-марксист, многолетний узник тюремных психушек. За него на Западе шла ожесточенная борьба, и в конце концов советские власти выпустили его. Я встретился с ним в Париже, взял у него интервью для радио, для своей программы, и пригласил в Мюнхен на «Свободу».

Здесь надо отметить для лучшего понимания дальнейшего, что старая русская политэмиграция, и НТС в особенности, с великой ненавистью относятся к украинской эмиграции, даже самой либеральной, за то, что все они без исключения выступают за отделение Украины от России. В Мюнхене существуют даже две православные церкви: для русских и украинцев. И то обстоятельство, что меня регулярно печатали в украинской эмигрантской прессе, вызывало ко мне дополнительную ненависть в русской эмиграции.

Все приглашаемые на «Свободу», как я уже говорил, по традиции выступали на собрании коллектива сотрудников. Плющ, уже наслышанный о русско-украинской «дружбе» в эмиграции, выступал осторожно, обходя вопрос о самоопределении Украины. Плющ рассказывал о положении на его родине, о тамошних диссидентских группах. Аудитория слушала его с угрюмым, напряженным вниманием. Но стоило Плющу заговорить о какой-то профашистской группе в Западной Украине, которая в своей пропаганде вслед за нацистами утверждала, что евреи являются энтропийной силой, т. е. силой, сеющей хаос, разрушающей жизнь, как в зале началось волнение. Один из членов НТС стал говорить, что Плющ не имеет права называть этих людей фашистами только на том основании, что они «критикуют евреев», и, распалившись, заявил, что диссиденты-марксисты не лучше фашистов! Его еще кто-то поддержал. Договорились до «преступной роли евреев» в истории России. Кто-то кричал, что украинские самостийники действуют в союзе с сионистами, и т. п.

Я приглашал Плюща на «Свободу» и потому не посчитал себя вправе смолчать — выступил против его оскорбителей. Меня поддержал один сотрудник из новых эмигрантов. Поднялся шум, крики. Лодизин вынужден был закрыть собрание.

Здесь я должен отметить, что к тому времени в русской редакции работало уже порядочное число новых эмигрантов, но многие из них подлаживались к старым эмигрантам.

На другой день у всех на столах оказался меморандум (так называли мы вслед за американцами любые заявления и обращения) одного из таких примкнувших, в котором вновь содержались оскорбительные выпады в адрес Плюща и говорилось, что автор меморандума как физик по образованию разбирается в том, что это такое — энтропия, и подтверждает, что евреи действительно увеличивают энтропию — сеют хаос, «и в этом нет никакого антисемитизма!».

Плющ заявил, что не желает оставаться на станции (были запланированы передачи с ним, интервью), и уехал из Мюнхена.

В тот же день я написал свой меморандум с протестом против «разгула нацистских настроений» на станции, ксерокопии которого пустил по редакции. Двое новых сотрудников тоже написали протестные заявления.

В ответ энтэсовцы и примкнувшие к ним новые эмигранты выступили с «мемо» (как американцы сокращают слово «меморандум») против нас троих, обвинив нас «в разжигании национальной розни на станции и оскорблении русских сотрудников». Особо негодовали авторы этого «мемо» по поводу моих слов о «разгуле нацистских настроений». В заключение они объявляли, что намерены обратиться в немецкий суд, так как разжигание национальной розни по законам Германии является уголовным преступлением! Что правда.

Под этим «мемо» подписались около 70 человек, в том числе и ряд новых сотрудников, евреев. Авторами его были Олег Красовский и новый эмигрант Кирилл Хенкин, еврей, в прошлом разведчик КГБ во Франции, ученик знаменитого шпиона Азбея, в последние годы перед эмиграцией работавший в АПН (дочерней «фирме» Лубянки) в Москве.

Вслед за меморандумом семидесяти пришло «мемо» от директора «Свободы» Френсиса Рональдса, в котором он требовал, чтобы я, во-первых, «извинился перед коллективом» (так и было написано), а во-вторых, забрал свой меморандум, и — до той поры, пока я не выполню этих условий, мне запрещался вход на радиостанцию! В случае же, если я эти требования не выполню, писал директор, будет поставлен вопрос о моем увольнении. Вот так!

Рональдс вообще-то был симпатичным человеком, но он, видимо, дрогнул под натиском энтээсовской гвардии и примкнувших к ней новых «товарищей». Испугался, наверное, и судебного скандала. Говорил он со мной весьма мягко, фактически оправдывался за жесткость меморандума: «Вы понимаете, Вадим, какой подарок вы делаете советской пропаганде? Писатель Вадим Белоцерковский, диссидент и сын Билль-Белоцерковского, пишет о «разгуле нацистских настроений» на «Сво-бодe»!».

Я сказал на это, что готов в качестве компромисса изменить текст моего меморандума: вместо прилагательного «нацистских» (настроений) поставить «антисемитских». Хотя я считаю утверждение об «энтропийности» евреев чистейшим нацизмом: немецкие нацисты именно этим и обосновывали необходимость «окончательного решения еврейского вопроса». Извиняться перед коллективом я, разумеется, категорически отказался.

— Ну что ж, — сказал Рональдс уже с угрозой, — вы получите от администрации ответ.

Между прочим, при этой беседе присутствовал и начальник отдела кадров. Потом я узнал, что он находился там в качестве свидетеля на случай суда, и я имел право (по немецкому законодательству) уйти с этой беседы и вернуться к ней, приведя с собой представителя профкома радиостанции или Рабочего совета.

Ответа от администрации я не получил. Рональдс отступил: запрет являться на работу был отменен, и вместо него мне был вынесен «строгий выговор с предупреждением и занесением в личное дело».

Я тогда впервые узнал, что такая форма существует и на Западе. Потом я обратился к адвокату, который написал письмо Рональдсу с требованием отмены выговора как противоречащего немецкому трудовому законодательству. И выговор тихо убрали из моего личного дела. Сработала правовая демократия, окружавшая «Свободу» с ее авторитарной инфраструктурой!

Потом я понял по намекам Лодизина, что он объяснил Рональдсу, что советская пропаганда не станет использовать мой меморандум, так как она всегда проповедует, что «Свобода» — «гнездо сионистов», а никак не русских националистов! А вот увольнение Белоцерковского может быть использовано в Москве. Лодизин, в отличие от Рональдса, работал в Советском Союзе и гораздо лучше знал тамошнюю обстановку.

Повлияло на американское руководство, наверное, и еще одно поразительное событие. В то время на РС в качестве совещательного органа существовал Совет главных редакторов всех национальных редакций «Свободы», которых, напомним, было тогда 15 — по числу союзных республик СССР. Этот Совет собрался, чтобы обсудить события в русской редакции, и после бурных дебатов все редакторы, кроме русского, проголосовали за резолюцию, в которой мое поведение признавалось обоснованным и содержалась просьба к администрации не применять против меня никаких санкций! Рядовые сотрудники этих редакций подходили ко мне, благодарили и поддерживали. Особенно много слов поддержки я услышал, конечно, от украинских сотрудников.

Интересно еще, что начальник отдела кадров, американец Харольд Батдорф, после беседы у Рональдса сказал одному из сотрудников русской редакции, что был восхищен тем, «с каким мужеством и достоинством держал себя в кабинете у Рональдса Белоцерковский», добавив, что до той поры не видел, чтобы «русские себя так держали». Но это не помешало Батдорфу в дальнейшем жестко исполнять волю начальства по отношению ко мне во время других конфликтных ситуаций, включая мое увольнение с радио в 1985 году. Но я продолжал чувствовать уважение с его стороны, и когда мы оба вышли на пенсию, между нами установились дружеские отношения.

По следам того события я написал статью «Давление русских националистов на радиостанцию «Свобода»» и пустил ее в эмигрантский самиздат. (Позднее статья была напечатана в украинской либеральной прессе. Понятие «либеральный» я употребляю здесь и далее в широком смысле этого слова как антипод всего догматичного, авторитарного, шовинистического и т. п.) И вскоре на столах у всех сотрудников появились ксерокопии анонимного ответа. Чтобы читатель лучше понял атмосферу и уровень русской эмиграции, я приведу этот документ полностью, сохраняя его структуру, орфографию и синтаксис.

«Н. Гаенко

А. Карпов (1)

О статье «Давление русских националистов на радиостанцию «Свобода»» В. Белоцерковского.

В связи с появлением этой статьи с клеветническими выпадами против русского народа, его видных представителей и прошлого России мы приводим список работников так называемой Русской редакции радиостанции «Свобода», чтобы показать кто кого давит:

1. Матусевич — еврей, русофоб (2)
2. Белоцерковский — еврей, русофоб
3. Предтечевский — еврей, русофоб (3)
4. Рахиль Федосеева — еврейка
5. Федосеев — еврей (3)
6. Гордина-Рифлер — еврейка
7. Ловецкая — еврейка (3)
8. Шайович — еврей
9. Чиануров — еврей
10. Варди — еврейка
11. Варди — еврей
12. Бурштейн — еврей
13. Ройтман — еврей

К не-евреям в редакции относятся:

1. Шлиппе
2. Литвинов
3. Рудин
4. Келлер
5. Грегори
6. Пуста

7. Пылаев

8. Циолкович

9. Глазенап

10. Разумеется, все ключевые позиции занимают евреи, а возглавляет «Русскую» редакцию ЕВРЕЙ ЛОДИЗИН. (3)

Нам известно, что и в другие редакции уже пролезают евреи, но такого глумления как над русским именем, пока еще нет ни в одной редакции.

В. Белоцерковский действует по методу советской шпаны «держи вора». Являясь русофобом, он пишет: «После кровавого царского империализма и еще более кровавого советско-сталинского осуждать...» и т. д.

Что касается первой части предложения, то она всем знакома и взята из жаргона советского коммунистического государства, плотью от плоти и кровью от крови которого являются матусевичи, предтечевские, и белоцерковские, против действий которых, собственно говоря и загорелся сыр-бор на «Свободе». А вот, что касается советско-сталинского кровавого империализма, то мы вынуждены привести материалы из исторического очерка «Евреи в России и в СССР» А. Дикого, изданного в Нью-Йорке в 1967 г., из которого явствует, кто залил кровью обширные пространства СССР. (См. приложения) (4)

Белоцерковский не навидит (так! — В. Б.) Солженицына. Но при чем тут великий страдалец и правдолюб, лауреат Нобелевской премии Александр Исаевич, просидевший многие годы в лагерях смерти, если он называет имена палачей в большинстве бывших евреями! (Архив. ГУЛАГ книги 3-4)

Не может же он отнести их скажем к туркменам, казахам, белоруссам, — этих френкелей, коганов, рапопортов, берманов, ягоду, авербахов, финкельштейнов и многие тысячи чекистов-евреев, заливших нашу страну невинной кровью!

Также нельзя и «Русскую» редакцию назвать русской, если она находится в руках евреев. Это факты и никакие фокусы белоцерковских не помогут.

Почему русским людям нельзя иметь Русскую редакцию?(5) Ведь радиостанция официальное учреждение, финансируемое американским тружеником, платящим невероятно высокие налоги. Этот факт нужно обязательно довести до сведения американской общественности!

Нам кажется, что белоцерковским, матусевичам и предтечевским стоило бы подумать как лучше всего найти контакт с другими национальностями и не вызывать гнева против евреев в целом.

С уважением «русские националисты»  
Декабрь 1975 г.»

Прокомментирую письмо.

(1) Авторы этой листовки никому не были известны, их фамилии, скорее всего, выдуманы.

(2) Матусевич был тогда главным редактором. Я не уверен, что он еврей.

(3) Отмеченные сотрудники — русские по национальности. Лодизин — потомок голландских эмигрантов. Работало на станции значительно больше людей, чем поименовано в листовке, и большинство из забытых не были евреями.

(4) К листовке было приложено несколько страниц, скопированных с упомянутой книги А. Дикого. Там приводились имена евреев в органах советской власти времен революции и Гражданской войны. Причем в евреи зачислялись и люди с нерусскими фамилиями. Кроме поименных списков был там и подсчет процентов людей разных национальностей в различных советских структурах. Так, среди командиров Красной армии было, оказывается, 80% евреев и ... 0% — русских. Я понимаю, в такое трудно поверить, но именно так там было пропечатано. Шизоидная юдофобия, очевидно! Книга была выпущена издательством «Славия» (США) в серии «Россия под жидовским коммунизмом».

(5) Это соответствует требованию, которое выдвигалось на станции энтээсовцами: разделить русскую службу на две — русскую и советскую!

Когда в день появления той листовки я зашел в кабинет к Лодизину, он стал меня благодарить за то, что я способствовал зачислению его в ряды «великого народа». И часто потом называл себя «почетным евреем». Я спросил, кто, по его мнению, является заказчиком листовки — НТС или КГБ? Лодизин пожал плечами: «Какая, в сущности, разница!».

На другое утро на летучке он выступил очень жестко. «Мы будем проводить расследование, и если окажется, — говорил он, держа в руках листовку, — что авторы этой бумаги — сотрудники станции, то им придется ее покинуть. В американском учреждении не может быть места подобным людям! Так же, как не может быть места и людям, которые попытаются поддерживать «идеи», лежащие в основе этого пасквиля. Мы надеемся на помощь всех сотрудников в расследовании», — закончил он свое короткое выступление.

«Патриоты» сидели с мрачными лицами, опустив глаза в стол. Расследование, разумеется, не оказалось успешным.

В заключение отмечу, что ни в одной эмиграции из соцстран, включая эмиграции из прибалтийских республик, не было такого преобладания «черно-коричневых» и не возникали подобные скандалы.

В украинской эмиграции, правда, существовала крупная организация фашизоидных националистов, но там был и мощный либерально-демократический центр, и демократическое левое крыло, в котором нашли себе приют левые политэмигранты-украинцы, такие, как Леонид Плющ и генерал Григоренко. Между прочим, это был замечательный человек, близкий по духу к Сахарову, который незаслуженно забыт сейчас в России. Он был более русским, нежели украинцем, но вынужден был примкнуть к украинцам, т.к. у нас левого крыла не было даже среди новых эмигрантов. Было пять-шесть человек, числивших себя демократическими социалистами. В связи с этим я как-то сказал одному чеху, что им хорошо: у них есть весь спектр — и правое крыло, и левое, и центр. На что он немедленно «отшвейковал»: «Но у вас есть монархисты и фашисты!».

Теперь я прерву рассказ об эмиграции, чтобы и мне, и читателю можно было отдохнуть от ее атмосферы, и приглашу читателя совсем в другой мир — в мир будущего.

На конгрессах движения «Третий путь» я продолжал знакомиться со все новыми пришельцами из этого будущего — работниками различных фирм, принадлежащих трудовым коллективам. Получал от них литературу и новые адреса и посещал кооперативные предприятия (в США и Германии). Выяснилось также, что в США и Европе возникают уже научные инсти-

туты и кафедры при университетах, изучающие фирмы, принадлежащие работникам, и их объединения. Создаются и коммерческие бюро, консультирующие представителей трудовых коллективов, желающих приобретать в свою собственность предприятия или учреждения, в которых они работают, или намеревающихся создавать их с нуля. Я списывался с руководителями таких институтов и фирм, получал их проспекты и брал у них интервью, которые передавал на Россию в своих журнальных программах («Проблемы труда и демократии», «Рабочее движение», «Диалог»).

Один из таких институтов — Интернациональный институт самоуправления (IIS), базирующийся в Германии, Англии и США, пригласил меня быть его внештатным научным сотрудником, каковым я и состою до сих пор.

Я хочу сейчас предложить читателю в некотором сокращении и переработке соответствующую главу из моей последней книги «Продолжение истории: синтез социализма и капитализма» (М., 2001), в которой кроме сведений, полученных мною в эмиграции, содержатся и новейшие данные о развитии синтезной формации в мире.